
«РУССКАЯ ИДЕЯ» В МИРОВОЗЗРЕНИИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

А.С. Журова

В последние годы в российском обществе вновь стал актуальным вопрос «русской идеи», связанный с кризисом самоидентификации. Мы все еще живем в России переходного периода, когда от старых ценностей (идеи коммунизма) мы отказались, а новые еще окончательно не создали, и этот провал в системе идей привел, в совокупности с внутренними факторами развития, к идейному кризису.

Неопределенность дальнейшего развития, страх перед будущностью заставляет современность вернуться к первоистокам определения «народной индивидуальности» и «национального типа» [2. С. 2] и разрешить проблему исходя из историко-философского опыта. Последний, в свою очередь, показывает нам, что так называемый идейный, или идентификационный, кризис возник еще в конце XIX — начале XX века, когда мыслители начали искать систему ценностей, необходимую стране.

Основаниями для данного поиска стало разрешение проблемы кризисного состояния Российского государства, к которому оно пришло в естественном процессе своего развития. Общая направленность философской мысли заключалась в исканиях и спорах о путях России: имеет ли Россия, собственно, как и ее народ, особенную судьбу, или пойдет дальше, воспроизводя этапы европейской истории.

Одним из глашатаев «русской идеи» в XIX веке стал великий русский писатель, публицист и мыслитель Ф.М. Достоевский, по произведениям которого весь мир судит о России, о таинственной русской душе.

У Достоевского нет ни одного чисто-философского произведения. Несмотря на данный факт, он принадлежит как русской, так и мировой философии. Мы рассмотрим эволюцию «русской идеи» в мировоззрении Достоевского, соответствующую этапам идейного становления и развития творческой мысли писателя.

Первое произведение Достоевского «Бедные люди» имело успех. Благодаря ему он познакомился с самим В.Г. Белинским. Эта знаковая встреча заложила философские начала в мировоззрение молодого писателя.

Достоевский увлекся социалистическими идеями учителя, хотя он и чувствовал внутренние противоречия между ними и религиозной верой, воспитывавшейся в нем с детства. Данное обстоятельство приводило к спорам между Белинским и Достоевским, который отстаивал необходимость веры. Убедительность и авторитет критика в итоге возобладали над умом молодого писателя, хотя потребность в вере у него не исчезла и переступить через образ Христа он не смог. Писатель попытался соединить в своем сознании христианство и социализм, идя на компромисс с самим собой. С идеями Белинского Достоевского мирила мысль, что дело освобождения народа (в этом же роде и социализм) есть дело Христово.

Христос как идеал человека, изменившего мир словом, по убеждению Достоевского, вполне соединялся в его сознании с социалистической идеей освобождения народа, установления всеобщего равенства и братства. Однако вскоре писатель разошелся с Белинским.

В то же время основанием для споров о «русской идее» являлась судьба России и ее призвание в мире. Главными идейными выразителями в этих спорах в 40-х годах XIX века стали славянофилы и западники, противостоявшие в этом вопросе друг другу. Столкновение их происходило на почве разрешения вопроса о значении реформы Петра I, которая разделила российскую историю на две части. Западники приняли данную реформу и видели будущее России в следовании западным путям развития. Славянофилы же видели для страны иной путь с особым типом культуры, основанным на православии. Но существовала и точка соприкосновения славянофильских и западнических точек зрения: они противопоставляли свое видение российской будущности «невыносимой николаевской действительности». Будучи знакомым с мыслями представителей обоих направлений, Достоевский впитывает их идеи для того, чтобы позже сформировать свой особый взгляд на историю России, представленный в его знаменитой «Пушкинской речи».

На литературном поприще в это время Достоевский терпит неудачу — следующие за «Бедными людьми» произведения вызывают у читателей разочарование и недоумение. Вместе с этим данные произведения показывают нам направленность мысли Достоевского сороковых годов — увлечение социалистическими идеями. «Этот ранний социализм Достоевского надо считать очень важным, а отчасти даже решающим, фактором в духовных исканиях его: социализм этот был не чем иным, как тем самым «этическим имманентизмом», который лежал и лежит в основе всякой теории прогресса... Это есть вера в основное и «естественное» добро человеческой природы, в «естественную» возможность подлинного и всецелого «счастья», устраиваемого «естественными» же путями... В отношении к духовным исканиям Достоевского весь этот строй мысли следовало бы называть «христианским натурализмом», возлагающим все надежды на то христианское озарение человека, которое вошло в мир через Боговоплощение и нашло свое высшее выражение в Преображении Спасителя...» [4. С. 401—402].

Увлечение идеалистическим социализмом привели Достоевского в кружок Петрашевского. Обсуждаемые здесь вопросы были ему знакомы по кружку Белинского, но на этих собраниях не вырабатывались никакие определенные проекты и не устраивались заговоры, лишь высказывались критические суждения относительно существующего социального порядка. Вместе с этим у «петрашевцев» не было согласованности мнений, как внедрить в жизнь социалистическую систему. Примером тому может послужить основное идейное противостояние, существовавшее между Петрашевским и Достоевским.

Петрашевский настаивал на том, что патриотизм и чувство национальности не являются мировоззрением людей, которые мыслят о преобразованиях в мировых масштабах. Если Россия хочет начать преобразование, которое потом подхватит весь мир, то национальность лишь затормозит продвижение к этой цели,

и только утрачивая свои индивидуальные признаки, нация может встать на высшую ступень космополитического развития. В этом контексте Петрашевский видел «великую будущность» русских и России.

Достоевский оспаривал эти утверждения Петрашевского, оставаясь в вопросе о предназначении России на позиции Белинского, который в последние годы своей жизни пришел к тому, что нельзя отрицать национальность. Россия достаточно долго оглаживалась на Европу, теперь же пора ей развиваться из самой себя, самобытно. Только тогда народ готов сказать миру свое слово, когда в нем тверда позиция в отношении национального вопроса. «Народ без национальности — что человек без личности...» [5. С. 108].

Достоевский был убежден, что русские должны обратиться к своей собственной истории и искать источники развития русского общества в вековом укладе народной жизни. Уже здесь мы видим зарождение взглядов писателя на «русскую идею». Позднее Н. Бердяев напишет в своем труде о Достоевском: «...Достоевский не только отражал строй русской души и познавал его, но был также сознательным глашатаем русской идеи и русского национального сознания. И в нем отразились все антиномии и все болезни нашего национального самосознания...» [1. С. 132]

Участие в кружке «петрашевцев» привело его сначала к аресту, а потом к смертному приговору, замененному каторгой. Близость к смерти потрясла Достоевского, но это был лишь первый этап того потрясения, которое пришлось пережить ему на каторге. «Здесь-то и совершился глубокий внутренний и идейный перелом в Достоевском, который определил все его дальнейшие духовные искания» [4. С. 402]. Освободившись, писатель пробыл еще несколько лет в Сибири, вернувшись к литературной деятельности. Здесь были написаны «Записки из Мертвого дома» и ряд рассказов. По возвращении в Петербург он вместе со старшим братом стал издавать журнал «Время». Идеей данного журнала было развитие «почвенничества» — новой идеологии, имеющей своей целью разрешить спор западников и славянофилов. «Мы убедились наконец, что мы тоже отдельная национальность, в высшей степени самобытная, и что наша задача — создать себе новую форму, нашу собственную, родную, взятую из почвы нашей, взятую из народного духа и из народных начал... Мы... предугадываем с благоговением, что характер нашей будущей деятельности должен быть в высшей степени общечеловеческим, что русская идея, может быть, будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в отдельных своих национальностях; что, может быть, все враждебное в этих идеях найдет свое применение и дальнейшее развитие в русской народности... Недаром заявили мы такую силу в самоосуждении, удивлявшем всех иностранцев. Они упрекали нас за это, называли нас безличными, людьми без отечества, не замечая, что способность отрешиться на время от почвы, чтоб трезвее и беспристрастнее взглянуть на себя, есть уже сама по себе признак величайшей особенности; способность же примирительного взгляда на чужое есть высочайший и благороднейший дар природы, который дается немногим национальностям» [3. С. 52].

В отношении данного периода эволюции мировоззрения Достоевского стоит отметить, что его вопрос о «русской идее» тесно связан с вопросом «почвенничества» и «народничества».

Очень ярко этот этап мыслительной эволюции Достоевского показал Н. Бердяев в своей работе «Миросозерцание Достоевского». Будучи приверженцем идеологии «почвенничества», Достоевский любил называть себя «почвенником». Здесь прослеживается двойственность сознания писателя: видя связь с историческими традициями, он дорожит ими; вместе с этим Достоевский не отрицает революционной составляющей русского духа. Главной русской чертой, глубоко национальным явлением русского народного духа Достоевский считает скитальчество. Уже «...Пушкин отыскал и гениально отметил того несчастного скитальца в родной земле, того исторического русского страдальца, столь исторически необходимо явившегося в оторванном от народа обществе нашем... Эти русские бездомные скитальцы продолжают и до сих пор свое скитальчество... веруя... что достигнут... целей своих и счастья не только для себя самого, но и всемирного. Ибо русскому скитальцу необходимо именно всемирное счастье, чтобы успокоится: дешевле он не примирится...» [3. С. 467]. Достоевского занимало, что именно так раскрывается дух русского народа — в русском скитальчестве и отщепенстве.

Апофеозом всечеловечности русской идеи Достоевского стало его выступление с «Пушкинской речью». Как констатирует В. Зеньковский: «...впечатление было столь велико, что в общем подъеме и возбуждении казались исчезнувшими все прежние идейные разногласия. Они как бы потонули, растворились, чтобы слиться в новом энтузиазме «всечеловеческой» идеи, которую с таким необыкновенным подъемом провозгласил Достоевский» [4. С. 404]. Во всеобъемлющем гении А.С. Пушкина раскрывает Достоевский всечеловечность русского народного духа: «„Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа“, — сказал Гоголь. Прибавлю от себя: и пророческое... укажите хоть на одного из великих гениев, который бы обладал такою способностью всемирной отзывчивости, как наш Пушкин. И эту-то способность, главнейшую способность нашей национальности, он именно разделяет с народом нашим... и не в одной только отзывчивости тут дело, а в изумляющей глубине ее, а в перевоплощении своего духа в дух чужих народов... Ибо что такое сила духа русской народности, как не стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности?» [3. С. 466]. Тем не менее, Достоевский показывает не только значимость А.С. Пушкина в вопросе мессианского духа русского народа, но и находит в его творчестве подтверждение своих взглядов на многие аспекты «русской идеи».

В творчестве Пушкина Достоевский находит тему народного скитальчества, на основании чего он уподобляет скитальцу и русского «интеллигента»: «Фантастический и нетерпеливый человек жаждет спасения пока лишь преимущественно от явлений внешних; да так и быть должно: „Правда, дескать, где-то вне его может быть, где-то в других землях, европейских, например, с их твердым ис-

торическим строем, с их установившеюся общественною и гражданскою жизнью“ . И никогда-то он не поймет, что правда прежде всего внутри его самого... Он пока всего только оторванная, носящаяся по воздуху былинка. И он это чувствует и этим страдает, и часто так мучительно!» [3. С. 468]. Через призму всечеловеческого (в творчестве Пушкина) Достоевский в своей речи ищет истинное значение петровской реформы, тем самым обращаясь с примирительными идеями к славянофилам и западникам. Он свидетельствует о том, что славянофильство и западничество одинаково должны быть преодолены, но оба направления войдут в русскую идею, как всегда и бывает при творческом преодолении. Точно так же, рассматривая Россию и Европу, он замечает, что и Европу не обошло разложение. Но благодаря своему великому прошлому она уже внесла свои ценности в историю человечества. Значимость же России — определить место этим ценностям в своей жизни для того, чтобы истинно стать поборником общечеловеческого воссоединения.

Таким образом, основанием «русской идеи» являлся поиск пути развития России. Достоевский на протяжении всей своей творческой жизни развивал «русскую идею», преодолевая односторонность славянофильского и западнического направлений. В результате мы видим систему взглядов, где Россия — особенная страна с особенным призванием, которое заключается в том, что она несет миру братство людей и свободу духа. Вместе с этим русская мысль и русские искания XIX века свидетельствуют о существовании русской идеи, которая соответствует характеру и призванию русского народа. «Русские размышления над историческою темой привели к сознанию, что путь России — особый. Россия есть Великий Восток-Запад, она есть целый огромный мир, и в русском народе заключены великие силы. Русский народ — есть народ будущего. Он разрешит вопросы, которые Запад уже не в силах разрешить, которые он даже не ставит во всей их глубине. Но это сознание всегда сопровождается пессимистическим чувством русских грехов и русской тьмы, иногда сознанием, что Россия летит в бездну. И всегда ставится проблема конечная, не срединная. Русское сознание соприкасается с сознанием эсхатологическим» [2. С. 83].

Эту двойственность русского сознания не обходит и сознание Достоевского, и чем глубже мы проникаем в его мысли, тем больше загадок получаем. Одну важную составляющую стоит вынести мыслителям XXI века из опыта, накопленного в веке XIX: не стоит оборачиваться в прошлое, чтобы найти настоящее. «Русская идея» должна быть не мифологическим понятием, которое стоит искать где-то в прошлом; она, в том числе благодаря Достоевскому, развивается и обрастает конструкциями. Наша задача — смотреть в будущее, углублять историческое понимание, ища альтернативные варианты, возможно, отличающиеся от прежних, наполняя их смысловой нагрузкой, соответствующей нашему времени и ценностям. Ориентация на творчество Достоевского — ключ к возрождению и исторической реализации «русской идеи», ибо понять Достоевского — «значит понять что-то очень существенное в строе русской души, значит приблизиться к разгадке тайны России» [1. С. 10—11].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бердяев Н.А.* Мирозерцание Достоевского — М., 2006.
- [2] *Бердяев Н.* Русская идея / Николай Бердяев. — М., 2007.
- [3] *Достоевский Ф.М.* Дневник. Статьи. Записные книжки: В 3 т. — М., 2005.
- [4] *Зеньковский В.В.* История русской философии. — М., 2001.
- [5] *Селезнев Ю.И.* Достоевский. — М., 2007.

**«RUSSIAN IDEA»
IN THE WORLD-VIEW OF F.M. DOSTOEVSKY:
HISTORY AND MODERNITY**

A.S. Zhurova